

Картер Браун

Роковой котенок

Рик Холман

Картер Браун

Роковой котенок

1967

Браун К.

Роковой котенок / К. Браун — 1967 — (Рик Холман)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Картер Браун

Роковой котенок

Глава 1

Крошечный черно-белый котенок бесшумно пробежал по черному паласу, остановился на минуту, чтобы полюбоваться собой в зеркальной стене, а потом всеми четырьмя лапками принялся сражаться с длинными прядями шерсти черно-белого маленького коврика.

– Мышка! – добродушно рыкнул густой бас. – Типичный Эдипов комплекс. Видишь, Рик? Она воображает, что убивает свою мать.

Леонард Рид двинулся ко мне, радостно улыбаясь. На нем была облегающая черная водолазка, черные же брюки, такие узкие, что ширинка опасно бугрилась, ботинки на веревочной подошве и огромный платиновый браслет на правом запястье. Котенок устал убивать свою мамашу, быстро забрался вверх по алой шелковой портъере, аккуратно спрыгнул на раскрытую конторку Луи Квинз и принялся исследовать секреты старинной тонкой работы, не обращая внимания на ритуальную перуанскую маску над головой.

– Как насчет выпивки? – осведомился Рид.

– Бурбон со льдом, – ответил я.

Он нажал на потайную кнопку в замысловатой резной деревянной панели, и встроенный бар медленно распахнулся. Леонард Рид весил более двухсот фунтов, и только пара фунтов в области солнечного сплетения была жиром; все остальное – твердые мускулы. Каждый раз, наблюдая его схватку с быком в одной из дорогостоящих помпезных исторических эпопей, сразу же понимаешь: это настоящая борьба – не на жизнь, а насмерть; после первых десяти секунд начинаешь испытывать жалость к быку.

Его макушку украшал “коврик” из выющихся черных с проседью волос, подчеркивающий широкий выпуклый лоб и тяжелый взгляд. Его глаза, асфальтово-серого цвета, смотрели на мир надменно: некоторые избранные находили это обворожительным, а остальные – просто вызывающим. В Голливуде можно найти самые разнообразные типажи, а Рид мог побить по крайней мере дюжину в день, не особо напрягаясь.

Он вручил мне стакан с выпивкой, развалился на кушетке, покрытой чем-то весьма напоминающим настоящую леопардовую шкуру, и около десяти секунд сосредоточенно потягивал свой martini.

– Специалист по улаживанию неприятностей Холман, – неожиданно сказал он, – выехал на Запад с шестизарядным револьвером у каждого бедра и с холодной ухмылкой на губах. Он встречает лицом к лицу невероятные опасности – защитник правды, справедливости и своего великолепного высокопоставленного клиента, такого, как любвеобильный Леонард Рид.

– А что, ты уже мой клиент, Леонард? – вежливо осведомился я.

– Если рискнешь своей незапятнанной, пропахшей лавандой репутацией и станешь работать на порочного Леонарда Рида. Ты же знаешь, что о тебе будут говорить, старик? “Бедняга Рик Холман, представляете? Он сменил ориентацию на старости лет!”

– Не исключено, – ухмыльнулся я. – Барышня считала себя в полной безопасности, пока не стало слишком поздно.

– Ну ты и озорник! – Леонард с сомнением покачал головой. – Увы, этот приемчик проходит только с девственницами, а где в этом городишке найдешь совершеннолетнюю девственницу?

– Хороший вопрос, – согласился я. – Так в чем твоя проблема?

– Не думаю, что ты встречался с Клайвом Джорданом. Он жил тут некоторое время.

– Что-то не припомню, – честно признался я.

– Забавный мальчик. С большими амбициями. Думал, – Леонард тихонько вздохнул, – как и все остальные, что я смогу помочь ему сделать карьеру. Ты же знаешь, это не в моих силах. Когда становится известно, что кто-то был или все еще является интимным другом этого ужасного Леонарда Рида, – это все равно что поцелуй смерти. Клайв прожил тут около полу-года, а потом, пару месяцев назад, уехал. Еще одна утрата... – Он провел тыльной стороной ладони по лбу – преувеличенно театральный жест, у актеров-любителей означающий печаль. – Пару дней страдаешь от одиночества, потом понимаешь, что жизнь благополучно продолжается, колодец никогда не пересохнет. Однако парень теперь распространяет обо мне всякие не правдоподобные истории. Мне это не очень-то по нраву. И я горю желанием узнать причину.

– А почему бы не спросить у него самого?

– Я пытался, но он отказывается говорить со мной. Знаешь, я убежден, что все мои попытки, образно выражаясь, только подливают масла в огонь. Он рассказывает всем и каждому, какое я обезумевшее чудовище, не выпускающее ни одной жертвы из своих когтей. Заявляет, что ему удалось удрать из этого дома лишь по воле счастливого случая и что я угрожаю разрушить его карьеру, если он не вернется, пустить в ход физическую силу или еще что-нибудь похуже! Это, конечно, фантазии чистой воды, однако в этом городишке чертовски много людей, готовых поверить каждому его лживому слову.

– Так почему бы не подать на него в суд?

– Думаю, именно этого Клайв и добивается. Надеется, что я дам ему шанс прокрутить фильм ужасов в зале суда. – Рид снова вздохнул. – Уверен, ты понимаешь, что человек в моем положении очень уязвим, Рик. Никто не помнит имен молодых женщин, которые жили в этом доме, а вот о молодых мужчинах известны все подробности.

– А может, ты зря зацкливаешься на этом? – пожал я плечами. – Просто у людей появится еще одна тема для сплетен о Леонарде Риде.

– Не все так просто, старик! – Его набрякшие веки слегка опустились. – До эры Клайва Джордана был еще один молодой человек, Лестер Андерсон. Он уехал за несколько недель до того, как появился Клайв, – заметь, исключительно по собственному желанию. К несчастью, вот уже шесть недель, как он покончил с жизнью. Это было самоубийство, вне всяких сомнений. Парень оставил записку, в которой говорилось, что он родился неудачником и поэтому не может больше влачить свое жалкое существование. Какая трагедия! А теперь этот Клайв заявляет, что я преследовал Лестера точно так же, как преследую его, и что мои домогательства довели Андерсона до могилы!

– И то и другое, конечно, ложь? – равнодушно поинтересовался я.

– Естественно! – Леонард на мгновение оскалился. – Полагаю, ты не мог не спросить об этом. Так вот: все мои интимные отношения строятся на взаимном согласии и могут быть прекращены по желанию любой из сторон. Что меня действительно беспокоит: я не думаю, что эта идея принадлежит Клайву. Ему нет абсолютно никаких резонов поступать подобным образом, а к тому же, я уверен, он по природе человек не злой. Следовательно, кто-то стоит за его спиной и плетет ту ложь, и я должен знать кто. И почему. Ты меня знаешь, Рик. Я – самый дорогой злодей из тех, кто еще в средневековой повозке когда-либо расчищал себе путь в пародии на историю, снятой на цветной киноплёнке. Сейчас цена моего участия в фильме – полмиллиона долларов, и находятся люди, которые готовы мне их заплатить. А если эта история привлечет к себе слишком пристальное внимание – а я не успею предпринять что-нибудь, – продюсеры могут начать задумываться: стоит ли рисковать, приглашая за полмиллиона человека с такой репутацией. – Леонард обвел рукой свою просторную, помпезно обставленную комнату; его коллекция антиквариата сделала бы честь любому музею. – Я привык тратить кругленькие суммы в любой момент, как у меня на то возникает настроение, а оно возникает у меня очень часто. Мне будет больно, если придется вдруг опуститься и считать каждую тысячу.

– Тырываешь мне сердце, – сказал я. – Ладно, посмотрим, что можно сделать. Но я тебе ничего не гарантирую.

– Ну конечно, – сказал он довольным тоном. – Тебе нужен аванс?

– Пока нет. Я еще не знаю, в какую сумму все это выльется.

– Ну, учитывая твою репутацию, старик, это будет стоить недешево. Но при удачном стечении обстоятельств я смогу списать это на расходы, не облагаемые налогом. Хочешь еще плоточек?

– Нет, спасибо. Где я могу найти Клайва Джордана?

– Под ближайшей скалой! – неожиданно рявкнул Рид. – Нет, Леонард, нужно сдерживать свои эмоции. У меня где-то записан адрес Клайва. Я поищу его потом.

Он встал с кушетки, приготовил себе новую порцию спиртного, потом вернулся ко мне со слабой усмешкой на лице. Если бы я не был уверен, что такого не может быть, я бы решил, что Леонард немного смущен.

– Ну, знаешь, у художников бывает творческий застой, вот и я переживаю различные его фазы. Думаю, однообразие быстро вызывает скуку. Время от времени требуется встряска – хочется каких-то перемен, хочется немного взбодриться. Ты знаешь, мои плотские аппетиты столь же..., неумеренны, как я догадываюсь..., сколь и у любого другого.

Я пропустил это мимо ушей. Мне не понравилось, как он на меня посмотрел, когда проносил: “Мои плотские аппетиты...”

– Так уж получилось, – продолжал Леонард, – что, когда Клайв жил здесь, одновременно тут жила еще одна молодая особа. Я как раз переживал один из своих приступов добродетели. Ну, – он замялся, – если только это можно назвать добродетелью. С одной стороны, Зои, с другой – Клайв. – Он пожал плечами. – С третьей стороны – я. Мы общались и, естественно, приглашали избранное общество, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Зои? – переспросил я, стараясь не представлять себе омерзительные подробности его интимной жизни.

– Зои Парнелл. Она писательница. По крайней мере, так она говорит, однако я не видел ничего ею написанного. Пригласить Клайва была ее идея. Она мне сказала, что он – пробивающееся молодое дарование с огромным талантом, которому требуется спасительная передышка от тягот борьбы за существование. Нельзя ли ему приехать и пожить здесь с нами некоторое время? И тогда большой старый добряк Леонард говорит: почему бы нет? От веселья и развлечений вреда не будет. Во всяком случае, когда Клайв уехал, барышня тоже оставила меня. Я был немного разочарован, потому что в своем роде они оба были хорошими негодьями – довольно сговорчивыми после ночи с выпивкой, марихуаной и порнографическими фильмами. И тут совершенно неожиданно они оба ушли от меня. Хотя нет недостатка в новых талантах, которые только и ждут, когда попадут в мои нежные, любящие руки. – Леонард тяжело опустился на кушетку, держа свой мартини в массивных, нежных, любящих руках. – Мы прекрасно ладили друг с другом, этакая троица. Ну ладно, будем живы – будут другие.

– Ты полагаешь, что за всем стоит эта барышня? – спросил я.

– Я не вполне уверен. – Леонард хмуро смотрел в пространство перед собой. – У Зои, несомненно, хватило бы на это сообразительности, но я сомневаюсь, что у нее есть повод. Хотя кто знает, какие сумасшедшие идеи таятся в голове женщины? Я слишком мало общался с женщинами, поэтому почти ничего о них не знаю. И все-таки я не сомневаюсь, что Лукреция Борджиа была добра к животным.

– Где я могу найти Зои Парнелл?

– Весьма вероятно, что она живет вместе с Клайвом. Творческие натуры обычно страдают дурным вкусом.

– Ты хочешь, чтобы я попробовал откупиться от него?

– Я хочу, чтобы он прекратил распускать эти скандальные истории обо мне, старик. А каким образом ты это сделаешь, – он коротко зевнул, – меня это не касается. Можешь считать, я даю тебе карт-бланш.

Я покончил со своей порцией выпивки и поднялся на ноги.

– Великолепно. Но во всем этом нет осязаемой ниточки, за которую можно было бы потянуть, Леонард. А не легче ли позвонить твоему адвокату и препоручить ему уладить это дело?

– Он годен лишь на то, чтобы читать написанное в контракте мелким шрифтом, – твердо ответил Рид. – Я не доверил бы ему даже приготовить омлет. Он разобьет туда слишком много яиц. Типичный представитель своего класса. Идиот, который получил неплохое образование в определенной области.

Леонард поднялся с кушетки, подошел к конторке, вынул из ящика сложенный листок бумаги и протянул его мне.

– Вот адрес Клайва Джордана. Но он мог и переехать.

– Премного благодарен. – Я записал листок в бумажник. – А эта барышня Парнелл ушла от тебя потому, что предпочла Джордана? Или тому была какая-то иная причина?

– Ах это! – Леонард задумчиво погладил свой мясистый нос кончиком указательного пальца. – Хороший вопрос, Рик.

Черно-белый котенок снова появился из-за двери, жалобно мяукнул, а потом потерся спинкой о ноги хозяина.

– Мышка! Вот озорница! – нежно фыркнул Рид, потом нагнулся и поставил свой стакан на пол.

Котенок радостно вылакал мартини, оставшийся на дне стакана, а затем запрыгнул на кушетку. Несколько секунд спустя он положил голову на лапки и довольно зевнул.

– Она привереда, – ласково сказал Леонард. – Пьет исключительно мартини. Я несколько раз пытался угостить ее послеобеденным виски, так она просто отворачивала носик и уходила. Вся в папочку. Предпочитает спиртное перед едой.

– В сущности, чем все мы от нее отличаемся? – подхватил я, стараясь не терять терпения. – А кроме этой барышни Парнелл, ты не представляешь, кто может стоять за спиной Джордана и распускать эти сплетни?

– Рик! – Он в отчаянии посмотрел на потолок, хлопнув руками по щекам. – О моих врагах ходят легенды. Ненавидеть Леонарда Рида – излюбленное занятие всей киношной братии. Это может быть любой из десяти тысяч человек.

– Ты мне очень помог, – процедил я сквозь зубы. – Ладно, начну с Клайва Джордана.

– И не верь ни одному его слову. Клайв – патологический лжец, но ужасно обаятельный. – В асфальтовых глазах мелькнул алчный блеск, но он быстро опустил веки. – Старик, ты – единственный, перед кем я могу, ничего не опасаясь, вывернуться наизнанку. Если ты отвернешься от меня, никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь мне.

– Ну, раз уж ты в таком отчаянии, не пора ли начать говорить мне правду? – осведомился я. – Или я прошу слишком многого, Леонард Рид?

– Рик! – Он воздел руки в мольбе. – Я был с тобой честен, как никогда!

– Тебе пора брать уроки честности. Я направился к выходу: у парадной двери Леонард меня перехватил.

– Я позвоню тебе, когда выясню что-нибудь важное, – сказал я. – Но не просыпайся по ночам в ожидании моего звонка. Возможно, мне потребуется очень много времени.

– Теперь, когда моя судьба в руках профи, я буду спать по ночам сном праведника, – ответил он самодовольно. – Осторожней за рулем, старина. Мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Ты сейчас работаешь? – поинтересовался я. Рид отрицательно покачал головой:

– Мой агент занят переговорами. Насчет очередной библейской эпопеи. И это еще одна веская причина, по которой мне бы хотелось, чтобы Джордан заткнулся. Продюсеры нервничают, когда нанимают настоящего негодяя играть библейского негодяя. Хотя ума не приложу почему.

– Попробуй привнести логику в кинобизнес – и конец Голливуду, – находчиво ответил я.

Что-то легко коснулось сзади моих ног, и я так быстро повернул голову, что едва не вывихнул шею. Гладкий сиамский кот презрительно зашипел на меня, а потом проскользнул мимо Рида в дом.

– Сколько же у тебя кошек? – поинтересовался я.

– Вроде бы шесть. – Он сложил губы в куриную гузку, и на его лице отразилось сомнение. – Нет, наверное, семь, считая Мышку. Этого зовут Насильник. По сравнению с ним все коты – нервные кастраты.

Я спустился по четырем ступенькам парадного крыльца дома в раннем георгианском стиле и сел в автомобиль. Тронувшись с места, вдруг услышал сзади дикий рев и надавил на тормоза. Через секунду в ближайшем от меня окне появилась лукавая физиономия Рида. Раскосые, монголоидные глаза его глядели очень хитро.

– Отчаянно честный Леонард, – представился он, закрыл лицо руками, широко растопырил пальцы и попытался изобразить чистосердечное раскаяние. – Я тут кое-что вспомнил насчет милой Зои Парнелл. Есть альтернатива предположению, что она сбежала с Клайвом: вообще-то она предпочитала меня. Возможно, потому, что я ее слегка поколачивал?

– Ты ее бил? – оторопело переспросил я.

– Ну, на самом деле это было нечто вроде ритуала. Садистские наклонности появляются у меня только во время гетерогамного периода.

– Ты шутишь?

– Нет. – Леонард пристально посмотрел на меня. – Это тебя шокирует, старик?

– Нет, – беспечно ответил я. На мгновение на его лице появилось разочарованное выражение, затем он злобно ухмыльнулся:

– Как насчет детального изложения разнообразной сексуальной жизни Леонарда Рида? Она уж точно тебя шокирует.

– Как-нибудь в другой раз, – предложил я ему, – когда захвачу с собой свою порноэнциклопедию. В ней двадцать три тома, и она основательно проиллюстрирована цветными картинками и прочей ерундой.

– Следующего своего кота я назову твоим именем – Рикки, – отрешенно сказал он. – Можешь быть уверен: он будет носить твое имя с достоинством – я его тут же кастрирую, чтобы он стал таким же скучным и невозмутимым.

Я осклабился.

– Все еще надеешься шокировать меня? – поинтересовался я.

Его лицо сморщилось в страдальческой гримасе.

– Низкопробная чушь, Холман! Плевать я хотел на психологов-самоучек! Они ни на что не способны – только царапают поверхность человеческой натуры! Сексуальные фобии слишком разнообразны, их невозможно систематизировать. – Он вдруг широко улыбнулся. – Я только хотел сказать, что Зои – очень сложная натура. Ей нравилось, когда ее бьют: возможно, таким образом она пыталась искупить какой-то детский грех. Поэтому, прежде чем запрыгнуть к ней в постель, задай ей хорошую трепку, и она сделает все, что ты пожелаешь. Будь с ней властным, Холман, и она наградит тебя любовью! – Он помахал мне на прощанье тремя пальцами правой руки и отвернулся от окна. Последнее, что я услышал, отъезжая в автомобиле по подъездной дорожке, был его рык, наверняка приводящий в трепет соседей:

– Насильник! Ты опять трахал бедняжку Нимфетку в кустах!

Глава 2

Впереди у меня была одинокая ночь, и я решил, что нанести визит Клайву Джордану будет интереснее, чем сидеть дома и смотреть телевизор. Адрес, который дал мне Леонард, привел меня на верхний этаж облезлого двухквартирного дома в западной части Голливуда. Безобразная цементная коробка с облупившейся краской на стенах носила такой вид, который здания приобретают после двадцати лет упорного пренебрежения. Крутые деревянные ступени справа привели меня к парадной двери. Звонок громко взвизгнул внутри квартиры – звук под стать окружающей обстановке.

Растрепанная крашеная блондинка с волосами цвета бурбона широко распахнула дверь и уставилась на меня ледяным взглядом голубых глаз. Ее полные губки были недовольно поджаты. Белая блузка в красную полоску туго натягивалась на ее пышной груди, так что несколько пуговиц не выдержали и расстегнулись. Узкие белые слаксы обтягивали ее бедра и ягодицы.

– Черт бы вас побрал! – холодно произнесла она. – Я только сосредоточилась! Теперь потребуется минимум тридцать минут, чтобы вернуть вдохновение!

– Вы, наверное, и есть знаменитая писательница Зои Парнелл? – почтительно спросил я.

– Я – никому не известная и нигде не публиковавшаяся писательница Зои Парнелл. – В ее глазах появилось слабое любопытство. – А вы кто такой?

– Рик Холман. Я разыскиваю Клайва Джордана.

– Он здесь больше не живет. Переехал четыре дня назад. Куда – не знаю.

– Не повезло, – улыбнулся я ей. – Но раз уж мы с вами встретились, может быть, побеседуем по-дружески о нашем общем знакомом, Леонарде Риде?

– Кто вы такой? – скривила она нижнюю губку. – Профессиональный громила, которого нанял Леонард?

– Я в некотором роде профессионал, но не громила, – сказал я. – Не могли бы мы поговорить об этом в доме?

Она немного подумала, а потом кивнула:

– Ладно. Но только попытайтесь применить тактику сильной руки, я подниму такой крик – мало не покажется!

Она развернулась, и моему восхищенному взгляду представились твердые ягодицы. Я проследовал за ними в комнату, в которой, казалось, никто бы не согласился жить добровольно. На полу валялась пара потрепанных, заплесневевших ковриков. Одинокая кушетка с продавленными пружинами, кресло с оторванным подлокотником, небольшой столик – вот и вся обстановка. Столик был завален бумагами, небрежно разбросанными вокруг портативной пишущей машинки. Зои Парнелл осторожно уселась на краешек стола. Я подумал, что она опасается – вдруг слаксы не выдержат напряжения и лопнут прямо посередине. Она сложила руки под тугими грудями и уставила на меня пронизательный и одновременно задумчивый взгляд.

– Выкладывайте! – решительно сказала она.

– Клайв Джордан распускает мерзкие лживые сплетни насчет Леонарда, – сказал я. – Леонард нанял меня, чтобы я попробовал их остановить, а для этого я прежде всего должен узнать причину.

– Все очень просто. Это правда!

– Вы в этом уверены или просто верите Джордану на слово?

– Леонард рассказал вам обо мне? – осведомилась она.

– Только то, что вы с ним жили. И что идея пригласить Джордана в его дом принадлежала вам. И что, когда он ушел, вы ушли вместе с ним.

– Леонард – патологический лжец, – заявила девушка. – Он начал немного нервничать насчет своей репутации, поэтому-то и пригласил меня пожить у него. В качестве прикрытия.

Вы понимаете? Он надеялся, что все подумают, будто у нас с ним роман. А на самом деле интересовал его только Клайв. Я согласилась, потому что я – писательница начинающая, а это, признаюсь, чертовски нелегко! Несколько месяцев житья в роскоши без всяких забот о деньгах – перспектива очень привлекательная. Однако она потеряла всю свою привлекательность, когда я стала замечать, что происходит с Клайвом. Слава Богу, у него хватило храбрости удрать. Он попросил меня его поддержать, вот я и ушла вместе с ним.

– А если точнее, что же все-таки произошло с Клайвом?

Зои нервно пожала плечами:

– Невозможно объяснить, что делает Леонард Рид с людьми. Нужно пожить с ним в одном доме, как я, тогда поймете. В нем есть какая-то сверхъестественная, болезненная притягательность. Может быть, ущербное самолюбие. Он получает удовольствие от того, что губит людей. Леонард не останавливается до тех пор, пока полностью не завладеет человеком. Пока тот не станет целиком и полностью зависеть от него во всем. Я наблюдала, как это происходило с Клайвом, и не могла этому воспрепятствовать, но в последний момент Клайв взбунтовался и попросил меня помочь ему уйти.

– Этот Леонард Рид – просто настоящий Свенгали!¹ – простодушно сказал я. – Он что, со всеми так поступает или Клайв стал исключением?

– Вы что же, ничего не слышали о Лестере Андерсоне? – бросила она.

– О том самом Лестере Андерсоне, который покончил жизнь самоубийством несколько недель назад?

– Вы знаете, почему он свел счеты с жизнью? Потому что предпочел смерть той паутине, в которую поймал его Рид! Клайву повезло: он удрал вовремя.

– Это похоже на захватывающий сюжет не слишком оригинального романа, – заметил я. – Вы над этим сейчас работаете?

Зои сверкнула глазами, потом снова пожала плечами:

– Вам платят не за то, чтобы вы мне верили, так зачем попусту тратить ваше и мое время, Холман? Почему бы вам не убраться отсюда ко всем чертям?

– Леонард говорит, что это цепочка отвратительной лжи. – Я передернул плечами, подражая ее любимому жесту. – Он хочет, чтобы я выяснил, почему Джордан так старается. Если я обнаружу, что это цепочка отвратительной правды, я умою руки и найду другую работу. Однако мне хотелось бы переговорить с Джорданом и сделать собственные выводы.

– Моего слова вам недостаточно?

– Вы – писательница, а у писателей обычно богатое воображение. Я не говорю, что вы лжете. Просто есть вероятность, что вы неосознанно искажаете правду, только и всего.

Зои оторвалась от стола, прошлась туда-суда по комнате пару раз с гибкой грацией пантеры в клетке, потом остановилась и обвела меня пристальным взглядом.

– Это – хибара Клайва. Когда мы оставили дом Рида, переехали сюда. Как я уже говорила вам раньше, Клайв съехал отсюда четыре дня назад. Почему не знаю. Вероятно, устал от общения со мной. Ему не нужна настоящая женщина – только мамочка-утешительница. Возможно, утешения не слишком старой женщины действовали ему на нервы. – Зои на мгновение слегка прикусила пухлую нижнюю губку здоровыми белыми зубами. – Должна признаться, вы тоже не очень похожи на испорченного дружка Леонарда Рида. Не представляю вас крадущимся по темной аллее с острым стилетом под поллой пиджака. Но все равно я не знаю, где сейчас найти Клайва.

– Возможно, он вообще уехал из Лос-Анджелеса?

¹ Свенгали – персонаж романа Джорджа Дюморье “Трильби” (1894 г.), порабощающий человека, в награду помогающий ему сделать карьеру.

– Нет. – Она отрицательно замотала головой. – Он собирается стать знаменитым киноактером и на прошлой неделе получил работу в паре эпизодов. Из Лос-Анджелеса его вывезут только в гробу.

– У него есть друзья?

– Насколько мне известно, он ни с кем не был в особенно близких отношениях. – Зои слегка нахмурила лоб. – На Стрипе есть одно злачное заведение. Называется “Бонго”. Клайв частенько туда захаживал.

– Что ж, попробуем, – сказал я. – Спасибо.

– Не стоит благодарности, – ответила Зои с саркастической улыбочкой. – А Леонард, случаем..., э-э-э..., ничего обо мне не рассказывал?

– Чего, например? – невинно поинтересовался я. Зои облизнула кончиком языка верхнюю губу.

– Ну, знаете ли, я имею в виду... Мне просто любопытно. В конце концов, я же прожила в его доме не одну неделю. Уверена, Леонард в ярости на меня за то, что я помогла Клайву сбежать. Я уверена, что он выдумал обо мне какую-нибудь фантастическую историю, разве нет?

– Говорил что-то насчет ботфортов и хлыста. – Я бросил на нее недоуменный взгляд. – Чепуха какая-то!

– Ну, это гадкая ложь. – Она сделала над собой усилие и захлопнула рот на замок.

Целых десять секунд Зои просто стояла и кипела негодованием, в то время как я заполнял паузу, закуривая сигарету.

– Этого и следовало ожидать, – наконец произнесла она ровным голосом, взяв себя в руки. – Только извращенный ум Леонарда Рида мог произвести такую дикуую фантазию обо мне.

– Ну... – я стал медленно подбираться к двери, – полагаю, мне следует заглянуть в это самое гадкое заведение и попытаться отыскать Джордана.

– Если вы все-таки отыщете Клайва, передайте ему, что из прачечной принесли белье. Мне его рубашки совсем ни к чему.

Зои сделала медленный глубокий вдох, отчего расстегнулась еще одна пуговка, обнажив еще одну пядь похожей на взбитые сливки груди. Она сделала безуспешную попытку застегнуться.

– Петельки слишком большие, – вздохнула Зои.

* * *

Когда я приехал в “Бонго”, было почти половина восьмого. Заглянув внутрь, я понял, что до разгара веселья – еще часа три. Бородатое трио играло нечто похожее на радиосигнал из космического пространства в ритме четыре пятых, а бармен подпирал брюхом стойку. Клиентов было четверо: трое парней лет двадцати с небольшим, с виду участники латиноамериканской революции, которая произошла накануне, и девушка. Она сидела в полном одиночестве за стойкой в дальнем конце, взгромоздившись на высокий табурет, беспечно скрестив ноги; ее юбка здорово задралась, обнажив округлые бедра. Я выбрал нейтральную позицию посередине между барышней и парнями, которые, возможно, в данный момент замыслили взорвать Голливуд, и заказал бурбон со льдом.

– Интересно, – сказал я, когда бармен подтолкнул ко мне по стойке стакан, – вы, случайно, не знакомы с парнем по имени Клайв Джордан? Мне сказал один приятель, что он частенько сюда захаживает.

– В такой дыре и так мерзко работать, – бросил бармен сквозь зубы. – Кому надо знать мерзавцев, которые тут напиваются?

– Барии, – сказала девушка глубоким гортанным голосом, – скажи джентльмену, что я знаю Клайва Джордана, а потом не будь скотиной, налей мне еще порцию!

– Спасибо. – Я вежливо ей улыбнулся.

– Почему бы вам ко мне не подсесть? Я не кусаюсь. – Девушка издала булькающий смешок. – Во всяком случае, не в барах.

Тело ее не было роскошным, но она, несомненно, обладала сексуальностью. От нее так и исходила чувственность. Слегка припухший рот, огромные серо-зеленые глазищи... Ее черные волосы, расчесанные на прямой пробор, доходили до локтей, обрамляя узкое лицо с выступающими скулами и решительно очерченным подбородком. На ней был белый свитер, под которым свободно колыхались маленькие остроконечные груди, когда она двигалась, и изумрудная юбка, контрастирующая с бело-розовыми бедрами.

– Я – Фрида Паркин, – представилась она, когда я уселся на свободный табурет рядом с ней. – А вы кто такой?

– Рик Холман.

Я подождал, пока бармен не пододвинет мне по стойке новую порцию. Перед девушкой он поставил мартини с нарочитой небрежностью – спиртное даже выплеснулось из стакана.

– Не извиняйся, Барни, – сказала она бармену елейным голоском. – Я понимаю, ты не можешь унять дрожь в руках. Такой жирдяй, как ты, имеет право быть законченным алкоголиком! – Фрида понаблюдала, как лицо бармена стало темно-бордовым, когда он двинулся к другому концу стойки. Тогда она повернулась ко мне снова:

– А что вам нужно от Клайва Джордана, Рик?

– Поболтать по-дружески, больше ничего.

– И о чем?

– Дело конфиденциальное.

– Поговорить с Клайвом по-мужски вам вряд ли удастся. – Она подозрительно оглядела меня. – Или вы притворяетесь?

Изучив меня с головы до ног, она отрицательно замотала головой.

– И мысли не было, – сказал я. – Вы знаете, где его можно найти?

– Естественно. Я провожу вас туда, когда мы пропустим по второй. Вы ведь заплатите за мою выпивку?

– Я не против, – сказал я.

– Замечательно! – Фрида одобритительно кивнула. – Я всегда могу уговорить Барни налить мне в долг, но он от этого начинает воображать бог весть что. А вы тоже в киношном рэжете? О, пардон! – Ее голос зазвучал еще более гортанно. – То есть я хотела спросить, не связаны ли вы с киноиндустрией?

– В некотором роде связан, – кивнул я. – А как насчет вас?

– Я тоже, но мне надоело ложиться под парней, которые обещают мне роли, а потом кидают. – Фрида залпом ополовинила свою порцию мартини. Чувствовался стаж. – Если девушка отдается за здорово живешь, я считаю, можно и подождать, когда это доставит ей удовольствие, верно, Рик?

– Ну... – Я почувствовал, что у меня закололо в затылке. – Честно говоря, никогда об этом не задумывался.

– А следовало бы. – Фрида осуждающе посмотрела на меня. – Я хочу сказать, вот вы укладываете девушек направо и налево, могу поспорить. А что вы даете им взамен? Вы когда-нибудь спрашивали себя: а нравится ли им с вами? – Она решительно замотала головой, и прядь ее черных волос закрыла, словно занавеской, правый глаз. – Чего это Барни подмешал в пойло? Я ослепла на один глаз! – Фрида снова отчаянно принялась мотать головой, пока непослушная прядь волос не оказалась на прежнем месте. – Так-то лучше! Я ему не доверяю. –

Она опустошила свой стакан вторым глотком и толкнула пустой стакан по стойке. – Эй, Барни! Кончай свои порнографические мечтания и подай нам пару свежих порций!

– Вы всегда не даете ему спуска? – поинтересовался я.

– Ему это нравится, – сказала она самодовольно. – Он мазохист.

Нервное покалывание распространилось с затылка на всю мою голову, и я почувствовал, что у меня горят уши. Я проглотил то, что осталось в моем стакане, как раз вовремя – бармен поставил перед нами новую порцию.

– Я ничего не имею против шлюх, – грубо сказал он, – но если у шлюхи ни на минуту не закрывается рот – это уже что-то!

– Прекрати пороть чушь! Особенно когда говоришь со мной, – резко сказала Фрида. – Вытри слюну с подбородка, подбери пузо и катись на дальний конец стойки! Когда мы захотим увидеть чудовище Франкенштейна, то пойдем в кино!

– Меня бы это вполне устроило, – прорычал бармен. – Убирайтесь!

– Держи карман шире! – бросила она.

– Поверь мне, – ухмыльнулся он, обнажив пару выбитых зубов, – мне доставит неопишемое удовольствие выбросить тебя из бара, Фрида.

– Рик! – приказала она самоуверенно. – Дайте ему как следует!

– Бить барменов – плохая примета, – сказал я. – Никогда не знаешь, что у них спрятано под стойкой.

Что, если обрезать?

– Трусливый заяц! – Фрида схватила полный стакан и выплеснула содержимое прямо в лицо бармену. – Может, это слегка охладит твой пыл, Барни!

Тот отшатнулся, схватился руками за глаза и выплюнул поток непечатных ругательств, закончив на самой высокой ноте. Я бросил пятидолларовую бумажку на стойку бара, и не успели мои ноги коснуться пола, как я схватил девушку за запястье и стащил ее с табурета. Всю дорогу к двери она вырывалась, и прекратила только тогда, когда мы оказались на тротуаре.

– Барни не посмел бы ничего сделать, – сказала она, едва переводя дыхание. – В глубине души он понимает, что все, что я о нем говорю, правда.

– Что еще раз свидетельствует в пользу того, что у него есть хороший мотив разmozжить вам голову из того самого обреза под стойкой, – рявкнул я. – Так где мы можем найти Клайва Джордана?

– У черта на рогах, трус несчастный! – сказала Фрида с издевкой. – Ищите своего гомика сами! А я занята!

Я снова схватил ее за запястье и потащил к машине, затем втокнул на переднее сиденье. Когда мы отъехали на десять ярдов, Фрида вдруг вытянула ногу и нажала на педаль тормоза. Край рулевого колеса вонзился мне в желудок, и я резко и болезненно ударился лбом в ветровое стекло. Позади нас послышался душераздирающий скрип тормозов, сопровождаемый еще более душераздирающим гудком.

– Вы едете не туда, – невозмутимо сказала она. – Разворачивайтесь!

Загоняя машину в ряд стоящих вдоль обочины авто, я начинал чувствовать симпатию к бармену Барни. Поэтому, прежде чем посмотреть на Фриду, я осторожно прикурив сигарету. Она сидела сложив руки на груди и смотрела прямо перед собой в ветровое стекло, тихонько насвистывая что-то себе под нос.

– А не соизволите ли вы назвать мне адрес, чтобы я смог отыскать его сам? – рассудительно попросил я. – Тогда вы могли бы спокойно вернуться в бар и продолжить издеваться над стариной Барни.

– Я уже решила: останусь с вами, – заявила она, не поворачивая головы. – Я сегодня еще даже не начала пить, а у вас денежки шуршат. Я видела, как вы ими бросались, когда мы уходили из бара! Один из приятелей Клайва должен был отвалить на месяц на Восток, поэтому

он разрешил ему пожить в своих апартаментах. Это в районе новостроек в Уилшире. Я скажу, когда мы окажемся там.

– Уж пожалуйста, – прочувствованно попросил я. – То есть я хотел сказать, лучше уж скажите, чем снова давить на тормоза, ладно?

– Бедненький Рики-Тики! Сильно ударился головкой? – Фрида медленно повернула голову, посмотрела на меня и громко зевнула. – В следующий раз я сорву с себя юбку, выскочу из машины и заорю, что меня насилуют!

– Да кто тебе поверит! Ты на себя-то посмотри! – хрипло рассмеялся я.

Серо-зеленые глаза ярко сверкнули.

– А что вас заставляет думать, что у меня под юбкой что-то надето?

Мы с ревом рванули с обочины, словно космический корабль со стартовой площадки, и, когда на всей скорости влились в поток машин, где-то позади снова раздался надрывный скрип тормозов. Оставалось только надеяться, что это не был тот же самый парень, что в первый раз. Через пятнадцать минут я припарковался перед новым многоэтажным зданием с приятным чувством выполненного долга. Всю дорогу Фрида вела себя мирно: тихонько мурлыкала что-то себе под нос и указывала направление. Нам пришлось очень долго простоять перед светомфором, но Фрида даже не сделала попытки расстегнуть “молнию” на юбке.

Она провела меня через вестибюль к лифту. Через несколько секунд дверцы лифта раздвинулись, и оттуда вышла толстая, вульгарно разодетая женщина. Бросив взгляд на Фриду, она недоуменно пожала плечами. Я заметил, что серо-зеленые глаза неожиданно сверкнули в ответ, и преисполнился сочувствия к ничего не подозревающей толстухе, но было слишком поздно.

– Пардон, – обратилась к ней Фрида с видом примерной ученицы, – Барни Глутинос на десятом или на одиннадцатом этаже?

– Прошу прощения? – Выщипанные брови толстухи приподнялись чуть ли не на четверть дюйма. – Кто, я не расслышала?

– Глутинос. – Фрида заговорщически подмигнула ей. – Вы же его наверняка знаете, милочка. Он специалист по абортam.

Лицо женщины застыло, и по четырем слоям густо наложенной косметики пошли трещины.

– Боюсь, я понятия не имею, о чем вы говорите, – сказала она ледяным тоном.

– Неужели? – Фрида по меньшей мере пять секунд пристально смотрела на заплывшую жиром талию дамы, потом снова понимающе подмигнула. – Я поняла, душечка. Вы в конце концов решили оставить ребеночка?

Я шагнул в лифт и забился в угол: Фрида нажала на кнопку с цифрой “10”. Дверцы лифта закрылись, скрывая от нас остекленевший взгляд женщины и ее искаженное ужасом лицо. Фрида беззвучно насвистывала какой-то мотивчик с довольной улыбочкой на лице, словно кошка, которая добралась до сливок. Когда лифт доставил нас на десятый этаж, она вышла первой и двинулась по застланному толстой ковровой дорожкой коридору. Когда я ее догнал, она уже нажимала на звонок.

– Вы полагаете, нас ждут? – с невинным видом спросила она.

– Этот Джордан что же, ясновидящий? – огрызнулся я.

– Значит, возможно, у него вечеринка? – Фрида нажала на дверь кончиками пальцев, и она широко распахнулась. – Не хотите ли поменяться со мной одеждой? – Она бросила на меня вопросительный взгляд: глаза ее были широко распахнуты и излучали невинность. – Я хочу сказать, если у Клайва вечеринка, то вы будете чувствовать себя таким одиноким и неприка-
янным...

– Нажмите на звонок! – рявкнул я. – Мы же не хотим напугать его до полусмерти, верно?

– Говорите за себя! – огрызнулась она и вошла в квартиру.

Я последовал за ней. А что еще мне оставалось делать, черт возьми?! Фрида резко остановилась посреди гостиной, да так неожиданно, что я чуть было не наскочил на нее.

– Включайте габаритные огни, – буркнул я.

– Рик? – сказала она каким-то чужим голосом. – Я ведь сильно нализалась, правда?

– Пожалуй, – согласился я. – Но с девушкой такой, как вы, разве можно быть хоть в чем-то уверенным?

– Наверняка я нагрузилась под самую завязку, – напряженно прошептала Фрида. – Или, может быть, это какое-то психоделическое похмелье? То есть я хочу сказать, вы ведь не видите того, что мне мерещится, верно?

– Где? – занервничал я.

– За кушеткой. – Ее голос повысился на октаву. – На полу!

Кушетка представляла собой какую-то нелепую лежанку на высоких ножках, покрытую шелковым покрывалом с чередующимися широкими полосами черного, оранжевого и алого цвета. Я мысленно отметил, что за ней что-то лежит, потом почему-то отбросил эту мысль. Это же смешно! Какой дурак захочет лежать лицом вниз на ковре за кушеткой, совершенно обнаженным, да еще с пистолетом в правой руке? Я автоматически добавил мысленно, что его правый висок представляет собой кровавое, обожженное порохом месиво.

– Хотелось бы мне, чтобы мне это померещилось! – прошептала Фрида. – Это ведь Клайв Джордан, и он мертв, верно?

– Думаю, да, – сказал я. – Похоже на самоубийство.

Слабое мяуканье напугало меня так, что я постарел сразу на десять лет. Маленький черный котенок с большим белым бантом вокруг шеи появился из-под кушетки и осторожно направился к нам. Фрида наклонилась, взяла его на руки и начала нежно гладить по голове.

– Тише, тише, – приговаривала она ласково. – Тебе больше нечего бояться, котенок! Ты тут был совсем один и... Рик!

– Угу! – Мне потребовалось сделать усилие над собой, чтобы прекратить пялиться на тело, лежащее на полу, и вместо этого посмотреть на Фриду.

– Смотрите!

Она протянула мне котенка, и мне понадобилось добрых пять секунд, чтобы понять, о чем это она, черт бы ее побрал! По большому белому банту, завязанному вокруг шеи котенка, шла надпись. Я чуть было не свернул себе шею, стараясь ее прочесть. И тут я почему-то от души пожалел, что ввязался во все это. Надпись была незатейлива. Она гласила:

«На память капризному мальчику. С любовью. Леонард».

Глава 3

– Я, черт возьми, хочу убраться отсюда поскорее! – сказала Фрида тихо, но решительно.

– Ладно, – ответил я ей, – через минуту.

– Я не хочу иметь к этому никакого отношения! – Когда она пристально посмотрела на меня, ее серо-зеленые глаза стали огромными. – Давайте уйдем отсюда!

– Сейчас, – сказал я, опустившись на колени рядом с телом.

Тело было еще теплым, не окоченевшим – все говорило за то, что Джордан явно был мертв всего несколько часов. Под запекшейся кровью, месивом, вылившимся из пулевого отверстия в виске, кусочками раздробленной кости вперемежку с хрящом и каким-то желеобразным веществом я рассмотрел грязноватый налет черного пороха, прилипшего к опаленным волосам вокруг раны. Если не считать этого, на теле больше никаких повреждений не было. Я поднялся с колен и решил произвести беглый осмотр квартиры. Спальня как спальня. Рубашка, галстук, нательное белье и носки были аккуратно разложены поверх покрывала на кровати. Вешалка с костюмом висела на ручке встроенного шкафа. В бумажнике, лежащем на бюро, не оказалось ничего особенного; наличность – двадцать пять долларов. В ванной комнате пол под душем был еще влажным. Кухня – без единого пятнышка, словно никто не заглядывал туда вот уже целую неделю. Если Джордан оставил записку перед самоубийством, то она наверняка должна была лежать на видном месте.

Когда я вернулся в гостиную, Фрида заметно дрожала. Котенок уютно устроился у нее на руках и довольно мурлыкал.

– Теперь мы можем уйти? – спросила она прерывающимся голосом.

– Думаю, сначала нужно позвонить в полицию, – сказал я.

– Только без шума! – Фрида упрямо сложила губы. – Клайву теперь все равно, а я не хочу иметь к этому никакого отношения!

– Поэтому можешь валить отсюда, а я вызову полицию.

– Мы уйдем вместе. Ты нужен нам с котеночком.

– С котеночком?

– Ну не можем же мы его оставить здесь?! – Фрида прижала котенка к лицу и потерлась щекой о его мех. – Нельзя оставлять его здесь одного! Он может умереть с голоду или получить тяжелую психическую травму.

– Он? – переспросил я с сомнением.

– Он, – уверенно кивнула она.

Окончательно все взвесив, я решил, что и сам не хочу связываться с полицией. По крайней мере, до того, как основательно потолкую с Леонардом Ридом. Я припомнил все предметы, до которых фотографировался, и решил, что беспокоиться не о чем. Бумажник оказался слегка засаленным, и, по всей вероятности, отпечатки пальцев Джордана были на всей его поверхности, поэтому у полиции нет никаких шансов отыскать среди них свежий отпечаток пальцев Холмана.

– Порядок, – сказал я Фриде. – Как назовем котенка?

– Леонард, – тут же нашлась она. – В честь его папочки.

Выходя из высотного здания, мы не встретили никого, и это было уже кое-что. У меня возникло мерзкое опасение, что та разодетая толстуха, которую мы встретили у лифта, наверняка вспомнит нас, если ее об этом спросят. По пути к моему дому на Беверли-Хиллз, маленькому символу моего общественного положения, Фрида нянчилась с котенком и воркующим голосом разговаривала с ним, полностью игнорируя меня. Через пять минут после того, как мы вошли в дом, все было организовано: Леонард лакал молоко из блюдечка, мы с Фридой сидели на диване и пили, соответственно, бурбон со льдом и мартини.

– И где же тут спальня? – небрежно поинтересовалась Фрида.

– В задней части дома, – сказал я. – Оснащена ванной комнатой, а если по утрам у вас наблюдается прилив энергии, можно совершить пробежку до бассейна. А что?

– Просто интересно. – Фрида тем же знаменитым глотком ополовинила содержимое своего бокала. – Я имела в виду, что собираюсь тут пожить некоторое время, поэтому мне бы хотелось выяснить все с самого начала. Тебе кое-что следует знать, Рик, прежде чем все войдет в привычную колею. Я не против того, чтобы спать с тобой, но я решительно отказываюсь готовить завтраки по утрам.

– Я подозревал, что у тебя с головой не все в порядке, – осторожно начал я, – но что подвигло тебя на такую импульсивную глупость?

– Просто мне некуда идти!

– Хочешь сказать, что до сегодняшнего вечера ты жила в баре “Бонго” и убивала время тем, что оскорбляла бармена?

– До сегодняшнего полудня я была дорогостоящей содержанкой, но потом мы разругались, и я ушла от него. – Фрида прикончила свой martini и протянула мне пустой бокал. – Повтори, пожалуйста!

Я прошел к бару и принялся готовить свежие напитки.

– А что бы ты стала делать, если бы я не появился в баре?

– Не знаю! – Фрида беспечно пожала плечами. – Если бы я попала в безвыходное положение, пришлось бы договариваться с Барни. Вот почему он так разозлился. Он решил, что уже заполучил меня, а тут появился ты и убил его последнюю надежду.

– Так кто тот парень, от которого ты ушла сегодня в полдень?

– Это не важно.

– Ну, если ты думаешь, что переедешь сюда ко мне таким образом, – рыкнул я, – то ты явно спятила!

Когда Фрида вставала, ее серо-зеленые глаза сверкнули. И тут одним быстрым плавным движением она скрестила руки и стащила через голову белый свитер. Она швырнула его на пол, а в следующее мгновение расстегнула “молнию” на зеленой юбке, спустила ее на пол, а потом перешагнула через нее. Она осталась только в мало что скрывающем бюстгальтере и узких прозрачных трусиках. Стояла и надменно вращала бедрами, выставляя темные волосы на лобке под крошечными бикини. Она сунула большие пальцы за резинку, словно намеревалась стянуть трусики с бедер. Лифчик, который был столь же прозрачен, прикрывал лишь одни соски.

– Ну? – спросила Фрида, слегка наклонив голову набок и приглашая меня взглядом сверкающих глаз. – Что ты на это скажешь?

К резинке ее трусиков была пришита тоненькая кружевная оборочка. Поверх нее выбивались волоски. Я посмотрел на темный треугольник между ее ногами, на ее груди и подумал: а почему бы нет, черт побери?! Это не займет много времени. Тогда я попытался выдавить из пересохшего горла несколько слов.

– Соблазн велик, – признался я. – Но ответ все так же “нет”.

– Только подумай, – хрипла сказала Фрида, слегка спуская резинку и увеличивая видимую полосу лобковых волос, – что ты теряешь!

– В другой раз.

– Другого раза может не представиться. – Она стала медленно приближаться ко мне. – Я хочу тебя, Холман! – прошептала она. – Утоли мой голод!

Я отрицательно замотал головой. Мое самообладание было на высоте, хотя я и чувствовал, как к моему пенису начинает медленно приливать кровь. “А почему бы нет?” – снова подумал я. Но у меня есть неотложные дела.

– Позднее, Фрида, – решительно сказал я. Она вздохнула, взяла юбку и стала ее натягивать, виляя бедрами. Белый свитер проделал обратный путь через голову. Потом она обеими руками вытянула свои длинные черные волосы, откинула их с глаз, и они каскадом упали ей на плечи.

– Ничего, если я воспользуюсь твоим телефоном? – спросила Фрида сладким голосом.

– Валяй, – пригласил я.

– Премного благодарна. – От ее улыбочки скисла бы и гремучая змея. – Даже если Чарли не позволит мне вернуться, уверена, он даст мне дельный совет. Например, я расскажу, как ты настаивал на том, чтобы я проводила тебя в обителище Клайва Джордана, а когда мы обнаружили его мертвого на полу, ты не дал мне позвонить в полицию. И как быть, если ты скрыл живую улику?

– Живую улику? – хихикнул я. Фрида указала на котенка, свернувшегося клубочком на ковре рядом с пустым блюдцем.

– Записка Леонарда Рида была обвязана вокруг его шеи, помнишь?

Я взял бокал с мартини, подошел к дивану и вручил его ей. Она пристально посмотрела на меня поверх края бокала, а когда начала пить, ее взгляд обрел самоуверенность. Когда я попытался все хорошенько обдумать, то увидел целую цепочку совпадений, которые вели прямо к соломенной блондинке, Зои Парнелл.

– Ты же собиралась позвонить Чарли, – напомнил я. – Чарли... А дальше?

– Чарли Стерн.

Это имя мне ничего не говорило.

– До сегодняшнего дня ты была его любовницей, – медленно повторил я. – Ты разбилась, ушла от него и заглянула в бар “Бонго”. Туда пришел я и стал расспрашивать насчет Джордана. Ты знала, где он живет, и вызвалась меня проводить туда. Когда мы приехали, Клайв был уже мертв. И тогда ты – а не кто другой – попросила не вызывать полицию, и ты – а не кто другой – настояла на том, чтобы забрать котенка вместе с бантом и посланием.

– Верно, – согласилась Фрида спокойно. – Просто я – прирожденная лгунья, поэтому изменить факты в пользу Чарли мне ничего не стоит.

– Если только я не позволю тебе остаться тут?

– Вот что я тебе скажу, Рик Холман... – Она снова улыбнулась. – С виду ты довольно неказистый, но сообразительности у тебя не отнять.

– И как долго ты намерена у меня жить?

– Еще не знаю, – пожала она плечами. – Может, месячишко? К тому времени мне наверняка подвернется кто-нибудь поинтереснее.

– И давно ты знакома, с Клайвом Джорданом?

– Несколько месяцев. Видишь ли, он был приятелем одной моей подружки.

– Зои Парнелл? – предположил я.

– Кого? – Фрида и глазом не моргнула. Я бросил взгляд на свои наручные часы: уже перевалило за девять. Я присел перед котенком, снял с его шеи бант, положил его в карман и снова распрямился.

– Мне нужно кое-куда съездить, – сказал я. – Поэтому развлекайся сама: можешь смотреть телевизор или выпить. Комната для гостей находится сразу за кабинетом, можешь ее обживать.

У нее от изумления расширились глаза.

– Рик Холман! Ты отказываешься от моей благосклонности?

– Отказываюсь. Пока.. – оскалился я. – Ненавижу спать с прирожденными лгуньями.

Она украдкой зевнула, и я понял, что Фриду Паркин обидеть непросто.

– Возможно, мне придется взять у тебя займы пижаму, ты не против?

– Не против, – сказал я ей. – И не забудь выставить за дверь кота до того, как ляжешь в постель.

– Сначала его нужно угостить мартини, – неожиданно хихикнула Фрида. – Кто знает? А вдруг он превратится в разъяренного льва?!

* * *

Двадцать минут спустя Леонард Рид отворил мне дверь своего особняка в псевдоанглийском стиле. Он был облачен в безупречный вечерний костюм, белую рубашку с плиссированным жабо украшала черная “бабочка”.

– Рик! – выдавил он из себя улыбку. – А я собрался было уходить, старик. Званный ужин. Идиотская мысль. Но время от времени даже Леонарду Риду приходится улаживать своего продюсера.

– Время от времени даже Леонарду Риду приходится быть честным со специалистом по улаживанию конфликтов Холманом, – холодно сказал я. – Или же специалист может решить прекратить поиски правды и справедливости и отказаться от прекрасного, но лживого клиента – вроде того, с которым он имеет дело сейчас.

Набрякшие веки почти совсем прикрыли его глаза.

– Насколько я понимаю, – промурлыкал он, – тебя что-то сильно беспокоит. У тебя точно такой же дикий блеск в глазах, как у Насильника, когда тот видит на лужайке незнакомую кошку. Заходи, выпьем на скорую руку, и ты расскажешь мне о своих затруднениях.

Я проследовал за ним в гостиную, выждал, пока он закончит любоваться собой в застекленной стене, а потом поведал, что пить не буду.

– Я встречался с Зои Парнелл, – сказал я, – и она сообщила мне, что Клайв Джордан уехал от нее дня четыре назад. Она не знала, куда он подался, но предложила попытать счастья в баре “Бонго”. Я так и сделал, и, когда осведомился у бармена, не знает ли он, случаем, Джордана, одна сумасшедшая дамочка у стойки сказала, что знакома с ним. Поэтому мы отправились к одному новому многоэтажному зданию в Уилшире. Дамочка сказала, что квартира принадлежит какому-то другу Джордана, который уехал куда-то на месяц и позволил ему поселиться там на время его отсутствия.

– И Клайв оказался там? – поинтересовался Леонард с умеренным любопытством.

– Лежал абсолютно голый на полу с пистолетом в руке и с пулей в голове.

– Ого! – Он надавил потайную кнопку, и из деревянной стеной панели плавно выдвинулись и распахнулись створки встроенного бара. – Мне сейчас просто необходимо выпить, старик. У меня внутри все переворачивается!

– Никакой посмертной записки, говорящей о самоубийстве, не было, – продолжал я. – Во всяком случае, я ее не нашел. Но нашел крошечного черного котенка с белым бантом вокруг шеи. – Я вытащил бант из кармана и показал его Леонарду. – Тут есть одна очень любопытная надпись.

– “На память капризному мальчику. С любовью. Леонард”, – прочитал он вслух. – Это явно говорит о чьей-то предусмотрительности, Рик.

– А ты разве не посылал ему котенка?

– Неужели я выгляжу полным идиотом? – Леонард посмотрел на свое отражение в зеркальной стене с нескрываемым удовольствием. – Никто не повел бы себя так глупо, верно? Особенно в моем положении.

– Его одежда была аккуратно разложена на кровати, – сказал я. – Похоже, Клайв принимал душ, а потом, вместо того чтобы одеться, прошел в гостиную и застрелился.

– А кто-то подбросил бедную кошечку с бантиком и моими наилучшими пожеланиями вокруг шейки, чтобы полиция подумала на меня? – Леонард плеснул дорогого коньяка в рюмку и выпил его одним конвульсивным глотком. – Ты заставляешь меня нервничать, старик!

– Мне удалось произвести лишь беглый осмотр комнаты, – продолжал я отчет. – Дело темное. Ненормальная дамочка не дала мне позвонить в полицию. Она также притащила котенка ко мне домой. Уверен, она не случайно оказалась в “Бонго”, когда я там появился. Значит, весь вечер кто-то водит меня за нос. Выбор небольшой: либо ты, либо Зои Парнелл.

Леонард одним глотком прикончил оставшийся коньяк, потом поспешно зажал ладонью рот, поскольку реакция его желудка оказалась неожиданной.

– Прошу прощения! – Он очень осторожно выдохнул. – А у этой ненормальной дамочки есть имя?

– Фрида Паркин.

– Ого!

– И-го-го! Осел! – рявкнул я. – Еще чуть-чуть, и я забуду, что имел несчастье быть знакомым с тобой, шут!

– Так ты не вызвал полицию? – Он погладил свои мясистые щеки лопатообразными пальцами. – Значит, бедняжка Клайв до сих пор так и лежит на полу?

– Я не вызвал полицию сразу, – уточнил я. – Но я сделал это по дороге сюда.

– Следовательно, теперь я в любой момент могу ожидать визита какого-нибудь хитроумного детектива?

– Звонок был анонимным. У меня и так достаточно неприятностей, чтобы еще объяснять им, почему я не позвонил сразу из квартиры.

Леонард плеснул еще коньяку себе в рюмку.

– Что-то я выбираю себе неудачных приятелей, не так ли? Сначала Лестер Андерсон, а теперь вот Клайв!

Из-под алой портьеры показалась Мышка, разбежалась и прыгнула на кушетку, покрытую леопардовой шкурой, затем опрокинулась на спину, и лапки замелькали в воздухе.

– Она думает, что кушетка существует исключительно для ее удовольствия, – хихикнул Рид. – У нее мания величия!

– И не у нее одной, – ехидно бросил я. – Рано или поздно, а скорее всего, рано полиция свяжет твоё имя со смертью Джордана. А если окажется, что это убийство, тебе придется туго!

– Ты же не думаешь, что кто-то совершил убийство только ради того, чтобы подозрение упало на меня, верно? – Он хитро мне улыбнулся. – Нет человека, который бы так ненавидел меня.

– Я тебя ненавижу, – признался я без обиняков.

– Ты еще тот негодяй! – Леонард снова потер себе щеки. – Фрида Паркин, говоришь? Сексапильная малышка с длинными нечесаными черными волосами? Выражается словно портовый грузчик, который только что уронил себе на ногу молоток?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.